

Адмирал А.В.Колчак и партия социалистов-революционеров: военно-политическое противоборство в ноябре–декабре 1918 г.

В борьбе обрешь ты право свое!
Девиз партии социалистов-революционеров

Андрей Владиславович Ганин – кандидат исторических наук, редактор отдела военной истории российского исторического журнала «Родина», автор 3 монографий, биографического справочника (в соавторстве) и более 100 научных статей и публикаций по проблемам военной истории России конца XIX – первой четверти XX вв., истории русского офицерского корпуса, антибольшевистского движения и казачества (г. Москва).

Приход к власти адмирала А.В.Колчака в результате омского переворота 18 ноября 1918 г. является одним из центральных событий истории Белого движения. Политическая история этого события имеет довольно обширную историографию, однако, как ни странно, военно-политический аспект произошедшего, одним из наиболее ярких проявлений которого стало противоборство между сторонниками Колчака и социалистами-революционерами, до сих пор практически не исследован. Даже в специальных работах данный аспект проблемы не рассматривается вообще или затронут лишь поверхностно,¹ между тем именно наличие или отсутствие поддержки армии у противоборствующих сторон предредило тогда исход политической борьбы. Наиболее серьезным исследованием по данной теме следует считать работу уральского историка И.Ф.Плотникова,² однако, ее автор далеко не уделил внимания подготовке заговора против адмирала Колчака в Оренбурге, а также допустил целый ряд неточностей. Необоснованным представляется и его утверждение о том, что выступление эсеров в Оренбурге было организовано по указанию так называемой уфимской комиссии по руководству борьбой с Колчаком, более того, автор противоречит сам себе, когда пишет о том, что комиссия, образованная 5 декабря, могла отдать приказ о выступлении в Оренбурге в ночь на 2 декабря.³ Другое дело, что эсеровские комиссии по

борьбе с Колчаком создавались как минимум дважды (по данным И.Ф.Плотникова даже трижды⁴). Однако также нет никаких доказательств того, что оренбургским заговорщикам отдавала директивы первая комиссия. Небезынтересно, что книга Плотникова свидетельствует о безальтернативности борьбы красных и белых, однако сам автор на протяжении всей своей работы пишет о трагической судьбе Учредительного Собрания и об ответственности белых за репрессии по отношению к учредилловцам, причем подобная точка зрения достаточно распространена.⁵ О том, что эти репрессии были обоснованными, не говорится. К сожалению, рассматриваемая проблема до сих пор остается малоизученной, а имеющиеся в нашем распоряжении данные крайне отрывочными и, во многом, противоречивыми. Как ни парадоксально, до сих пор нет сколько-нибудь цельной биографической информации даже о видных деятелях партии социалистов-революционеров (ПСР), что существенно осложняет работу. Наиболее подробный справочный материал содержит сборник документов о судебном процессе над эсерами,⁶ однако, и он далеко не полон и не свободен от ошибок, также полезен справочный материал трех других сборников документов ПСР.⁷ Несмотря на это, в процессе работы над статьей с большим трудом удавалось выявлять данные о составе различных эсеровских комиссий, более того, до сих пор неизвестен даже точный список эсеров, арестованных в Уфе в декабре 1918 г., практически нет данных о псевдонимах тех или иных деятелей ПСР, что не дает

¹ См., напр.: Добровольский А.В. Социалисты-революционеры Сибири в конце 1917 – начале 1920 гг. Новосибирск, 1999; Он же. Съезд членов Учредительного Собрания//История белой Сибири. Материалы 6-й международной научной конференции 7–8 февраля 2005 года. Кемерово, 2005. С. 211–214; Кононенко А.А. Социалисты в политической жизни Урала (1917–1918 гг.). Тюмень, 2003; Московкин В.В. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и гражданской войны (1917–1921 гг.). Тюмень, 1999; Переверзев А.Я., Кулешов О.С. Комуч. Директория. Колчак: Антисоветский лагерь в гражданской войне на Востоке России в документальном изложении, портретах и лицах. Воронеж, 2003; Smele Jonathan D. Civil war in Siberia. Cambridge, 1996.

² Плотников И.Ф. Гибель Всероссийского Учредительного собрания. Трагические события на Урале и в Сибири. 1918 г. Екатеринбург, 2002.

³ Там же. С. 83.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ см., напр.: Добровольский А.В. Белый террор и преследования социалистов-революционеров при А.В. Колчаке (ноябрь – декабрь 1918 г.) //История белой Сибири. Тезисы третьей научной конференции 2–3 февраля 1999 года, Кемерово. Кемерово, 1999. С. 89–93.

⁶ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов. М., 2002.

⁷ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. Февраль–октябрь 1917 г. Сост. Н.Д. Ерофеев. М., 2000; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. Сост. Н.Д. Ерофеев. М., 2000; The Socialist-Revolutionary Party After October 1917. Documents from the P.S.-R. Archives / Marc Jansen [ed.]. Amsterdam, 1989.

возможности установить, о каком именно человеке идет речь в том или ином документе, попросту белым пятном является военная деятельность партии – нет в достаточной степени достоверных данных о ее военной организации. Все это свидетельствует о необходимости гораздо более глубокого, чем на данный момент, изучения деятельности эсеров в период Гражданской войны. Нельзя не отметить, что работы последних лет не дают ответов на поставленные вопросы. Остается надеяться, что в будущем исследователи истории ПСР восполнят столь обширную лауну. Я уже обращался к теме оренбургского заговора против Колчака и Дутова,⁸ однако, поскольку оренбургские события являлись лишь звеном в цепи военно-политических акций, которые предпринимали эсеры в конце 1918 г. для победы над своим политическим противником, попытаюсь проанализировать весь ход военно-политического противостояния Колчака и эсеров в конце 1918 г.

Партийность, привнесенная в Россию в конце XIX – начале XX вв., сыграла в последующих событиях русской истории весьма неблагоприятную роль. В этой статье пойдет речь об антигосударственной деятельности партии социалистов-революционеров на востоке России в конце 1918 г. Деятели этой партии, пришедшие к власти в России в 1917 г., в значительной степени ответственны за трагические для нашей страны события того года, анархию и последовавший в результате ее захват власти большевиками. При этом нельзя не отметить, что летом-осенью 1918 г. эсеры играли видную роль в антибольшевистском движении на востоке России, впрочем, есть основания полагать, что деятельность эсеров на Волге по целому ряду причин (в частности, вмешательство партийных деятелей в сугубо военные вопросы, назначения в армии по принципу лояльности социалистическим идеям, борьба с политическими противниками в антибольшевистском лагере, отказ от сотрудничества с представителями правого лагеря) принесла больше вреда антибольшевистскому сопротивлению, чем пользы.

Каковы были цели эсеров в борьбе с Колчаком? Прежде всего, они стремились любым путем вернуть себе власть в России, утраченную после падения Временного Всероссийского правительства (Директории). Являясь победителями на выборах во Всероссийское Учредительное собрание, они считали только себя вправе встать у руля государственной машины в этот непростой момент. Как писал член ЦК ПСР В.Г. Архангельский, «партия, собравшая большинство голосов при выборах в Учредительное Собрание, обязана была выступить на его защиту против посягательств представителей меньшинства на ясно выраженную волю народа».⁹ Однако опыт нахождения эсеров у власти в 1917 г. и летом-осенью 1918 г. отчетливо продемонстрировал полную несостоятельность их политического курса, ведшего к гибели страны. Как писал генерал В.Г. Болдырев, «Самарское правительство было весьма тесно связано

с только что утратившей власть эсеро-партией, с которой у многих еще слишком свежи были счеты. Керенщина была еще слишком памятна даже при нависшей угрозе со стороны Советов».¹⁰ Во многом по этой причине противники эсеров – сторонники правого курса – считали «состав «черновского» Учредительного Собрания, избранного в ненормальных условиях и состоявшего почти наполовину из большевиков и левых социалистов-революционеров, не правомочным...» и выступали за созыв нового Учредительного собрания после свержения власти большевиков.¹¹

Еще до омского переворота эсеры «готовились к неминуемой атаке справа».¹² В военно-политическом отношении эта подготовка сводилась к агитации и формированию батальонов имени Учредительного собрания и русско-чешских полков. Ко времени переворота 18 ноября эсеры имели три центра своего политического влияния на востоке России: Директорию (Омск), заметно полевевший съезд членов Учредительного собрания (Екатеринбург)¹³ и Совет управляющих ведомствами Комуча (Уфа).¹⁴

Здесь уместно процитировать высказывание находившегося в 1918–1919 гг. на востоке России британского полковника Д. Уорда – командира 23-го Мидлсекского батальона: «... Уфимская Директория вела свою власть от умеренной партии социалистов-революционеров и состояла из «интеллигенции» – республиканцев, визионеров, непрактичных людей... Эти люди обвиняли казаков за их безотчетную лояльность, а офицеров армии за все преступления, в которых виноваты цари, и в худшие дни Второй Революции они травили их, подобно крысам, в подвалах и на улицах. Офицеры и казаки в свою очередь проклинали Керенского и социалистов-революционеров за расстройство старой армии, за то, что именно они развели в стране анархию и большевизм. Не может быть никаких сомнений, к кому надлежит отнести порицание».¹⁵

Думаю, не стоит сомневаться в том, что в случае победы белых Колчак действительно созвал бы Учредительное Собрание. Об этом он сам совершенно искренне, на мой взгляд, писал 28 июля 1919 г. в частном письме генерал-лейтенанту А.Н. Пепеляеву: «Не мне, принявшему перед Сенатом присягу в передаче этому Собранию всей полноты власти и обязавшемуся в его немедленном созыве, как только будет уничтожен большевизм, говорить о целесообразности этого...».¹⁶ При этом Колчак был резко против предложения Пепеляева

¹⁰ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (Из цикла «ШЕСТЬ ЛЕТ» 1917–1922 гг.). Под ред. В.Д. Вегмана. Новониколаевск, 1925. С. 29.

¹¹ Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай, 1937. С. 93.

¹² Юго-Восточному Комитету членов Всероссийского Учредительного собрания. Письмо секретаря съезда членов Всероссийского Учредительного собрания 10 декабря 1918 г. // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. Сост. Н.Д. Ерофеев. М., 2000. С. 400.

¹³ Преобразован из Комуча после образования 23.09.1918 г. Уфимской директории – А.Г.

¹⁴ Орган исполнительной власти Комуча, после образования Уфимской директории перешел на положение Уфимского областного правительства.

¹⁵ Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири 1918–1919 гг. М.-Пг., 1923. С. 66.

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 341. Оп. 1. Д. 526. Л. 1 об.

⁸ Ганин А.В. Заговор против атамана Дутова в воспоминаниях очевидцев // Археография Южного Урала. Материалы Третьей Межрегиональной научно-практической конференции 30 сентября 2003 года. Уфа, 2003. С. 27–36; Он же. Попытка свержения атамана А.И. Дутова в Оренбурге в декабре 1918 г. // История белой Сибири: Материалы 5-й международной научной конференции 4–5 февраля 2003 г. Кемерово, 2003. С. 151–154.

⁹ Архангельский В. Волжский фронт Учредительного Собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. пер. Прага, 1930. С. 11.

о немедленном созыве Учредительного Собрания в ходе войны, полагая, что «это будет победа эсеровщины, того разлагающего фактора государственности, который в лице Керенского и К^о естественно довел страну до большевизма. На это я никогда не пойду».¹⁷

Не смирившись с потерей власти после переворота в Омске 18 ноября 1918 г., социалисты предприняли ряд безуспешных попыток реванша. Одной из наиболее опасных для Белого движения можно назвать попытку захвата власти в результате заговора против Войскового атамана Оренбургского казачьего войска и командующего войсками Юго-Западной армии генерал-лейтенанта А.И. Дутова в Оренбурге. Об этой и других попытках вооруженного реванша эсеров в союзе с лидерами национальных окраин и пойдет речь.

Почти за месяц до переворота, 22 октября 1918 г., ЦК ПСР выпустил обращение ко всем партийным организациям. Обращение составил лидер партии В.М. Чернов, призвавший соратников по партии быть готовыми к отражению ударов контрреволюции.¹⁸ Это обращение, безусловно, принесло большой вред эсерам. В то же время Чернов сумел в чем-то, предвосхитить грядущие события. Уже 5 ноября в разговоре по прямому проводу между Уфой (М.А. Веденяпин (Штегеман) и С.Ф. Знаменский) и Омском (В.М. Зензинов) Веденяпин сообщал Зензинову: «Мне очень хотелось бы Вас хоть немного познакомить с положением после падения Самары.¹⁹ Развал в армии произошел полный, ее почти нет, она рассыпалась. Это заставило Центральный Комитет призвать всех членов партии под ружье (здесь и далее подчеркнуто в документе – А.Г.), и тут мы это осуществили и вместе с чешским командованием вопреки приказам Болдырева создали добровольческие части, которые держат фронт, в наших частях с офицерства берется подписка не носить погон и кокард, только при таких мерах приходится что-либо делать. Нами предприняты шаги совместно с чехами к широкому формированию добровольцев. Несколько дней назад мы отправили все части на фронт, дав им задачу взять Самару. Здесь создан известный подъем, и наши товарищи выполняют это задание, если Вы не произведете тут перемены, которые разрушат все. В партии определенное настроение отойти в сторону от борьбы, полное недоверие к Временному правительству²⁰ как только связали свою судьбу с Сибирским правительством...».²¹ Таким образом, деятели ПСР имели основания всерьез опасаться за свое будущее еще до переворота в Омске.

В этот же период эсеры предприняли ряд шагов по укреплению своего положения. Прежде всего, активно велись переговоры с военными, о чем будет сказано ниже. Кроме того, была предпринята попытка поставить под свой контроль местные власти. В частности, в десятых числах ноября оренбургским губернским уполномоченным была получена телеграмма из Уфы с возмущением против того, что некоторые учреж-

дения получают распоряжения из Омска, минуя Совет управляющих ведомствами. Уфимские политики требовали руководствоваться их распоряжениями, а не омскими. Дутов писал в Омск, что «означенным распоряжением предложено руководствоваться всем правительственным учреждениям, находящимся на территории Оренбурга и губернии. Ввиду того, что до образования Всероссийского съезда [территория] находилась в сфере влияния Самарского комуча, остальная территория подчинялась Сибирскому и Оренбургскому войсковому правительствам, [в] настоящее время [с] образованием центровласти подобное распоряжение Совета создает двойственность управления губернии. Благоволите разъяснить взаимоотношения и в интересах общегосударственных предоставить Губернскому уполномоченному Врем[енного Всероссийского] правительства по гражданской территории губернии право непосредственных сношений с центром».²²

Вопросы военного планирования в партии социалистов-революционеров доверялись профессионалам. Функционировала специальная военная комиссия,²³ в состав которой входил член партии эсеров, Генерального штаба подполковник Федор Евдокимович Махин – один из главных участников заговора в Оренбурге. В историографии полковник Ф.Е.Махин зачастую изображается как жертва политических преследований, что, по всей видимости, связано с труднодоступностью и недостаточным количеством источников для объективной оценки его деятельности.

На самом деле Махин вполне осознанно участвовал в подготовке переворота, представляя среди заговорщиков оппозиционные атаману Дутову силы в армейской среде. Именно он являлся автором доклада о восстановлении Восточного фронта против германцев, будучи негласным консультантом Комуча.²⁴ Причем многие члены партии склонны были видеть в нем потенциального военного вождя.

Даже после провала попытки реванша лидеры эсеров не скупились на похвалу в адрес Махина. Вероятно, столь велики были их надежды на его военные и организаторские способности. В частности, председатель Комуча В.К. Вольский в своем докладе на заседании IX Совета партии эсеров (июнь 1919 г.) заявил: «Только один был у нас, один, чей образ светлым лучом врезался в каждого, кто только с ним встречался. Знаток военного дела, подлинный военный вождь, организатор, глубоко понимавший душу народа и знавший ключ к его душе, полный личного бесстрашия и храбрости и глубочайшей преданности идее демократического восстановления России – таков был незабвенный Федор Евдокимович Махин... Если кто достоин был стать военным руководителем, главою военного дела революционной демократической трудовой республики, то это был Махин. Если кому и можно было вручить временную и политическую диктатуру, то это только Махину, славному и честному демократу эсеру, редкостно мощной личности. Несчастье Комитета, который в военном деле вынужден был полагаться на эсеров Лебедева, Фортунатова, затем Взорова,²⁵ не дало ему

¹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁸ Ко всем партийным организациям. Обращение ЦК ПСР 22 октября 1918 г. // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. Сост. Н.Д. Ерофеев. М., 2000. С. 396.

¹⁹ Оставлена белыми 7 октября 1918 г. – А.Г.

²⁰ Речь идет о Временном Всероссийском правительстве – А.Г.

²¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 144. Оп. 1. Д. 22. Л. 12.

²² ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 95. Л. 295.

²³ Семенов (Васильев) Г. Военная и боевая работа Партии Социалистов-Революционеров за 1917–18 гг. Берлин, 1922. С. 24.

²⁴ Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. М., 1993. С. 363.

²⁵ Личность не установлена – А.Г.

возможности поставить Махина в центр своего военного дела».²⁶ Как писал С.Н. Николаев, «после падения Уфы, в начале июля, Комитет мог ввести в органы центрального управления генерального штаба подполковника Ф.Е. Махина, но допустил ошибку, назначив его на фронт...».²⁷

Надо сказать, что жизненный путь полковника Махина не совсем характерен для русских офицеров начала XX в. Федор Махин родился в Иркутске 15 апреля 1882 г., в семье урядника Оренбургского казачьего войска, разжалованного и сосланного на каторгу за оскорбление офицера, совершенное в нетрезвом состоянии.²⁸ В 1917 г. (по другим данным, уже в 1906 г.²⁹) Генерального штаба подполковник Махин вступил в партию социалистов-революционеров, возглавив штаб военной организации партии. А в 1918 г. по приказу ЦК партии поступил на службу в Красную армию.³⁰ Как впоследствии вспоминал Г.А. Семенов (Васильев), некоторое время возглавлявший в ПСР красноармейский отдел, «...мы сосредотачивали особое внимание на работе в Красноармейских частях: на вливании в формирующиеся части возможно большого (так в тексте – А.Г.) количества наших людей, подборе нашего командного состава для этих частей и создание (так в тексте – А.Г.) наших ячеек».³¹ Именно так подполковник Махин оказался в рядах Красной армии, где вскоре достиг высоких постов – стал начальником Уфимского полевого штаба и командующим 2-й армией (26 июня – 3 июля 1918 г.). Произошло его назначение на пост командарма-2 не без помощи бывшего прапорщика Мартыанова, тоже эсера, служившего в штабе советского Восточного фронта.³²

При подходе чехословацких войск к Уфе Махин выехал из города со своим адъютантом навстречу командиру Поволжской группы чехословацких войск полковнику Станиславу Чечеку и заявил ему: «Я начальник Штаба красных войск в Уфе. Зная о вашем приближении, я разослал все части так, что вы можете войти в город беспрепятственно. Дальнейшее мое личное пребывание в городе – невозможно. Возвратиться туда мне нельзя... Идите на эту крепость смело, не раздумывайте, достаточно одной части, чтобы забрать город».³³ Таким образом, Махин фактически сдал город белым. Вскоре после своего перехода на сторону Комуча, Махин возглавил части Народной армии Хва-

лынского района (с 15 июля 1918 г.), и был произведен «за проявленное мужество и самоотвержение в боях против большевиков» в полковники. 18 октября 1918 г. он получил назначение на должность начальника 1-й Оренбургской казачьей пластуновской дивизии с зачислением по Оренбургскому казачьему войску.³⁴ Находясь именно на этой должности, Махин принял участие в попытке социалистического реванша в Оренбурге. К тому же, он пользовался доверием другого участника заговора – башкирского лидера А.-З. Валидова.³⁵

Сразу возникает немало вопросов. Какова же была степень участия Махина в подготовке заговора? Зачем ему понадобилось участвовать в нем? Насколько он зависел от руководства партии эсеров? В отличие от многих других старших офицеров, участвовавших в борьбе с большевиками, полковник Махин по своим политическим взглядам был убежденным противником монархии. Тезисно его политическая позиция изложена в «Записке о ближайших задачах, стоящих на очереди в связи с возобновлением войны с Германией», составленной им для Комуча 17 июля 1918 г., и состоящей всего из трех пунктов:

- 1) подъем народных масс на борьбу при опоре на рабочих и крестьян;
- 2) единственно возможный лозунг – «Земля и Воля, Независимая Демократическая Россия»;
- 3) борьба с большевиками.³⁶

Все эти положения вполне соответствовали политической программе ПСР. Постепенно Махин переходил на более левые позиции. Более ярко политическая позиция Махина выражена в переписке, относящейся к периоду эмиграции. Так, 14 апреля 1924 г. Махин, находясь в Белграде, писал своему другу, бывшему управляющему ведомством финансов Комуча И.М. Брушвиту в Прагу о своей деятельности в Югославии: «Проделал большую работу, подготовил почву в правительств[енных] кругах, и вдруг выдет конфуз. Торжество у черносотн[ых] будет огромное, а вера в нас окончательно пропадет. Нужно сказать, что демократическая работа находится вся в зависимости от учреждения нашего представительства. Погибнет это дело – погибнет и надежда на какой-нибудь просвет у демократической части беженства».³⁷ Или еще одна не менее красноречивая цитата: «Пришлось здесь покупать литературу для М^н Инстр[анных] Дел, чтобы выяснить связь монархистов с немцами. Стоит тоже сотни динаров. Но это расход, который нигде показать нельзя...».³⁸ По мнению лидера ПСР В.М. Чернова, высказанному им в письме ЦК в начале 1921 г., Махин, как и сам Чернов, принадлежал к левому крылу партии.³⁹

Таким образом, в лице полковника Ф.Е. Махина ПСР имела своего верного сторонника, чего нельзя было сказать о других старших офицерах Народной армии, которые, как писал современник, «вели политику,

²⁶ Судьба Учредительного собрания. Доклад председателя Комуча В.К. Вольского. Публикация С.А. Павлюченкова // Исторический архив (Москва). 1993. № 3. Стр. 138.

²⁷ Николаев С.Н. Политика «Комуча» (Опыт характеристики) // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. первый. Прага, 1930. С. 140.

²⁸ Кобзов В., Кузнецов В. Зигзаги судьбы казаков Махиных // Гостинный двор (Оренбург). 2000. № 9. С. 98–99; Серков А.И. Русское масонство 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 530.

²⁹ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов. М., 2002. С. 895.

³⁰ Лебедев В.И. Борьба русской демократии против большевиков. Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк, 1919. С. 21; Майский И. Демократическая контр-революция. М.-Пг., 1923. Стр. 53.

³¹ Семенов (Васильев) Г. Указ. соч. С. 15.

³² Там же. С. 40.

³³ Чечек С. От Пензы до Урала (Доклад, сделанный в Обществе Участников Волжского Движения) // Воля России (Прага). 1928. № 8–9. С. 264.

³⁴ Приказ по Оренбургскому казачьему войску № 326. 18.10.1918 г. – Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 189.

³⁵ РГВА Ф.461(К). Оп. 2. Д. 142. Л. 18.

³⁶ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 387. Л. 3об.-4; Из архива В.И. Лебедева. От Петрограда до Казани // Воля России (Прага). 1928. № 8-9. С. 193-194.

³⁷ ГА РФ. Ф. Р-5789. Оп. 1. Д. 36. Л. 7–7об.

³⁸ Там же. Л. 8об-9.

³⁹ The Socialist-Revolutionary Party After October 1917. Documents from the P.S.-R. Archives / Marc Jansen [ed.]. Amsterdam, 1989. P. 642.

для Комитета вредную, направляя свое внимание и усилия к укреплению Сибирского правительства, отвечавшего их привычкам и симпатиям».⁴⁰ Более того, некоторые офицеры «в прилегающих к Волге местностях... предпочитали идти на юг в добровольческую армию, несмотря на ее отдаленность, а не в народную, в надежность которой не верили, усматривая в общем курсе политики определенное партийное течение».⁴¹ И, как позднее писал управляющий ведомством внутренних дел Комуча П.Д.Климушкин: «... между Комучем и офицерством с самого же начала гражданского движения на Волге создалось взаимное непонимание, приведшее потом к полному расхождению».⁴² Не таков был Махин! Однако, и это признают практически все эсеровские мемуаристы, лидеры Комуча не оценили его по достоинству, когда у них на это было время, и не доверили ему, по крайней мере, пост начальника штаба Народной армии, на который Махин вполне мог рассчитывать.⁴³ Возможно, это произошло в связи с общим недоверием эсеров к военным. Уже осенью 1918 г. из штаба Махина сообщали: «Полковник Махин срочно выехал на фронт. Нам очень хотелось получить К.⁴⁴ Полковник Махин назначен Командующим Ташкентской группой... возможно... желал бы [быть?] хоть на вашем⁴⁵ фронте. Не знаю, считает ли он более важным оставаться на своем месте... мне же кажется, что он имеет основания думать о том, что его забыли. Сам же он этого не высказывал, не теряя надежды снова с Вами увидеться, хотя в дебри забрался мы порядочно. На нашем фронте наступила зима. Противник активен. Возможно в ближайшем будущем серьезное столкновение; чувствуем себя оторванными; не имеем сведений о происходящем. Прошу сообщить об общем положении, о союзниках и ваших планах действий...».⁴⁶ К сожалению, подобные переговоры, где часть сведений подразумевается или зашифрована, вызывают больше вопросов, чем дают ответов.

Омский переворот застал социалистов врасплох. Хотя сами члены Директории и подозревали о подготовке переворота задолго до омских событий, ежедневно опасаясь быть арестованными (Н.Д. Авксентьев),⁴⁷ а «идея диктатуры носилась в воздухе».⁴⁸ Тем не менее, к серьезному военно-политическому противостоянию с правым лагерем социалисты оказались не готовыми. Обстоятельства омского переворота к настоящему времени исследованы довольно подробно, поэтому остановлюсь на событиях, последовавших за этим переворотом.

Как уже говорилось, в ноябре 1918 г. на востоке России функционировало несколько эсеровских организаций. Одной из основных являлся функционирова-

вший в Уфе Совет управляющих ведомствами Комуча (председатель и управляющий ведомством торговли и промышленности – В.Н. Филипповский, члены: М.А. Веденяпин (управляющий ведомствами иностранных дел, почты и телеграфов), П.Д. Климушкин (управляющий ведомствами внутренних дел, земледелия и государственной охраны), И.П. Нестеров (управляющий ведомствами путей сообщения, труда и юстиции), Ф.П. Рудко), являвшийся после Государственного совещания в Уфе, в результате которого на востоке России было образовано Временное Всероссийское правительство (Директория), организацией с весьма странными полномочиями (на самом деле Совет представлял собой в завуалированной форме бывшее правительство Комуча). После падения Директории Совет взял на себя «всю полноту Верховной власти на территории Комитета Членов Всероссийского Учредительного Собрания»⁴⁹ и направил телеграмму премьер-министру П.В. Вологодскому в Омск с требованием освободить арестованных членов Директории, арестовать участников переворота и объявить о восстановлении прав Директории. В противном случае члены Совета намеревались объявить Вологодского врагом народа и предложить всем областным правительствам выступить против Омска. Копии телеграммы были разосланы всем правительствам, на поддержку которых рассчитывали в Уфе – оренбургскому, уральскому, башкирскому, правительству Алаш-Орды, а также Чехословацкому национальному совету в Екатеринбурге и Главнокомандующему вооруженными силами Временного Всероссийского правительства Генерального штаба генерал-лейтенанту В.Г. Болдыреву, телеграмма была разослана, кроме того, в Лондон, Париж, Рим, Прагу, Вашингтон и Токио.⁵⁰ Тогда же было выпущено воззвание: «[В] Омске совершен Государственный переворот. Арестованы находящиеся в Омске Члены Всероссийского Правительства. Граждане. Ответ [ьте?] [на] Удар [по] Революции и становитесь Все в ряды Русско-Чешских имени Учредительного Собрания Полков, отряда Фортунатова и добровольческих отрядов Народной Армии. Не медлите ни часа. В промедлении смерть демократии. А вместе с ней и смерть начавшей возрождаться Великой России. Все к оружию. Все за Учредительное Собрание».⁵¹ Однако, лидеры ПСР жестоко просчитались – ни население, ни областные правительства, за исключением, пожалуй, лишь башкирского, их не поддержали. Некоторую помощь эсерам оказали также чехословаки.

ЦК ПСР объявил адмирала А.В. Колчака «врагом народа» и заочно вынес ему смертный приговор.⁵² В ночь на 19 ноября совещание Бюро съезда членов Учредительного собрания и ЦК ПСР в Екатеринбурге постановило, что вся власть должна перейти к съезду, который будет представлен особым органом. Во внутренней переписке ПСР этот орган назван Исполнительным комитетом съезда членов Учредительного собрания.⁵³ По мнению И.Ф. Плотникова, орган получил назва-

⁴⁰ Николаев С.Н. Политика «Комуча» (Опыт характеристики) //Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. первый. Прага, 1930. С. 142.

⁴¹ Лейтенант Н.Н. Записки белогвардейца //Архив русской революции. Т. X. Берлин, 1923. С. 84.

⁴² Климушкин П.Д. Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. первый. Прага, 1930. С. 90.

⁴³ Николаев С.Н. Политика «Комуча»... С. 140; Майский И. Указ. соч. С. 151.

⁴⁴ Возможно, это аббревиатура от фамилии Климушкин – А.Г.

⁴⁵ Видимо, речь идет о Самарском фронте – А.Г.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 22. Л. 53.

⁴⁷ Fleming, Peter. The fate of admiral Kolchak. Edinburgh, 2001. P. 109; Майский И.М. Указ. соч. С. 326.

⁴⁸ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 1. Ч. 1. С. 284.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 22. Л. 26.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р.-10055. Оп. 2. Д. 7. Л. 20об; Гинс Г.К. Указ. соч. Т. 2. Ч. 2. Верховный Правитель. С. 6; Николаев С. Конец КОМУЧ-а // Современные записки (Париж). Общественно-политический и литературный журнал. 1931. Т. XLVI. С. 287–288.

⁵¹ ГА РФ. Ф. Р.-10055. Оп. 2. Д. 7. Л. 21.

⁵² Пайнс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 54.

⁵³ Юго-Восточному Комитету... С. 401–402.

ние комиссии по руководству борьбой с Колчаком.⁵⁴ Л.А.Кроль в своих воспоминаниях приводит еще одно название этого органа – комитет для борьбы с заговором в Омске.⁵⁵ В комитет вошли семь человек: В.М.Чернов, В.К.Вольский, И.С.Алкин (от мусульман), Ф.Ф.Федорович, И.М.Брушвит, Н.В.Фомин и Н.Н.Иванов. Задачей этой организации стало стягивание к Уфе и Златоусту верных эсерам частей с фронта и вступление в переговоры с большевиками.⁵⁶

Уже 19 ноября началась активная военная и организационная подготовка предстоявшей борьбы. В политическом плане были воссозданы распущенные Директорией местные революционно-демократические правительства (Комуч, башкирское правительство), развернута ширококомаштабная пропагандистская кампания по осведомлению населения о характере и целях омского переворота, наконец, Исполкому удалось добиться от местных общественных учреждений (дум, земств), а также от Чехословацкого национального совета, заявлений о непризнании переворота.⁵⁷ Некоторые эсеры считали, что «в особенности нам не следовало упускать из своего внимания Екатеринбург, где мы должны были произвести революционный переворот в первую голову, изгнав сибирское командование и водрузив на его месте свою собственную власть».⁵⁸

В военном отношении Исполком попытался стянуть в Екатеринбург рабочие дружины с окрестных заводов, но не успел этого сделать. Только 21 ноября, на следующий день после отъезда депутатов из Екатеринбурга, к городу подошел отряд вооруженных рабочих Нижнетагильского завода, численностью 800 человек. Подойди этот отряд на два дня раньше, соотношение сил могло кардинально измениться!⁵⁹ Кроме того, была предпринята попытка заручиться поддержкой генералитета. Однако никто из старших офицеров не согласился возложить вооруженную борьбу с Омском. Согласно мемуарам Чернова, отказались командующий Екатеринбургской группой войск генерал-майор Р. Гайда (Екатеринбург) и командующий Самарской группой войск Генерального штаба генерал-майор С.Н. Войцеховский (Уфа).⁶⁰

18 ноября М.А. Веденяпин сообщил Ф.Ф. Федоровичу: «Сейчас иду говорить с генералом ВОЙЦЕХОВСКИМ. Думаю, что этот разговор будет решающим»⁶¹ – эсеры сразу после омских событий стали апеллировать к армии. Позднее, 29 декабря 1918 г., Войцеховский на станции Тавтиманово достаточно осторожно записал в своем дневнике после долгого семимесячного перерыва в записях: «Сложная политическая обстановка; борьба диктатуры и демократии (Учред[ительное] собр[ание]). Я генерал на русской службе, но, кажется, не в милости у начальства. На этих днях Уфа будет очищена. Куда

назначат меня, еще не знаю. Рассчитываю на корпус».⁶² Между тем, в Ставке за Войцеховским закрепились репутация сторонника эсеров,⁶³ возможно, не лишённая оснований.

Главнокомандующий вооруженными силами Временного Всероссийского правительства Генерального штаба генерал-лейтенант В.Г. Болдырев 18-19 ноября находился в пути из Уфы в Челябинск и, судя по его воспоминаниям, пребывал в полной растерянности. Первоначально он собирался «немедленно освободить арестованных и разоружить отряд Красильникова,⁶⁴ арестовать и предать суду виновных»,⁶⁵ по его мнению, то, «что свершилось в Омске [–] безобразие и означает катастрофу».⁶⁶ Однако, затем в нем произошел какой-то перелом, и, задаваясь вопросом «Что делать?», Болдырев все же решил «времено уйти, не делать новых осложнений в армии»,⁶⁷ а ведь ему ничего не стоило помешать перевороту. Болдырев был возмущен бездействием Колчака в Омске и заявил ему при разговоре: «Я никак не могу стать на точку зрения такого спокойного отношения [к] государственной власти, хотя может быть и несовершенной, но имевшей в своем основании признак законного избрания. . . я не ошибусь, если скажу, что Ваших распоряжений как Верховного Главнокомандующего на фронте слушать не будут. Я не позволил себе в течение двух суток ни одного слова ни устно, ни письменно, не обращался к войскам и все ожидал, что в Омске поймут все безумие совершившегося акта и ради спасения фронта и нарождавшегося спокойствия в стране более внимательно отнесутся к делу. Как солдат и гражданин я должен Вам честно и открыто сказать, что я совершенно не разделяю ни того, что случилось, ни того, что совершается, и я считаю восстановление Директории считаю (так в документе – А.Г.) совершенно необходимым немедленное освобождение Авксентьева и других, немедленное восстановление в правах и сложения (так в документе – А.Г.) Вами Ваших полномочий. Я считал долгом чести и совети высказать мое глубокое убеждение и надеюсь, что Вы будете иметь мужество выслушать меня спокойно. Я не допускаю мысли, чтобы [в] сколько-нибудь правовом государстве допустимы такие приемы».⁶⁸ Колчак ответил жестко: «. . . я передаю возможно кратко факты и прошу говорить о них, а не о своем отношении к ним. Директория вела страну к Гражданской войне в тылу, разлагая в лице Авксентьева и Зензинова все то, что было создано до их вступления на пост верховной власти, свершившийся факт ареста их, конечно, акт преступный и виновные мною преданы полевому суду, но Директория и помимо этого не могла бы существовать долее, возбудив против себя все общественные круги и военные в особенности. . .».⁶⁹ Поскольку ранее перед Директорией Болдырев ставил вопросы о преследовании ПСР за бунт против верховной власти и об аресте

⁵⁴ *Окончательная гибель Всероссийского Учредительного Собрания. Сентябрь-декабрь 1918 г.* Публикация д.и.н. И.Ф.Плотникова//Исторический архив (Москва). 1999. № 4. С. 144.

⁵⁵ *Кроль Л.А.* За три года (воспоминания, впечатления и встречи). Владивосток, 1921. С. 159.

⁵⁶ *Добровольский А.В.* Социалисты-революционеры Сибири в конце 1917 – начале 1920 гг. Новосибирск, 1999. С. 61–62.

⁵⁷ *Чернов В.М.* Указ. соч. С. 381.

⁵⁸ *Свяцкий Н.[В.]* К истории Всероссийского Учредительного Собрания. Ч. 3. Съезд членов Учредительного Собрания. М., 1921. С. 68.

⁵⁹ *Там же.* С. 112.

⁶⁰ *Чернов В.М.* Указ. соч. С. 391.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 22. Л. 33.

⁶² ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 772. Л. 26.

⁶³ *Там же.* Л. 27.

⁶⁴ *Красильников Иван Николаевич* (1880–04.01.1920) – генерал-майор (17.08.1919), активный участник омского переворота 18.11.1918 г. – А.Г.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р.-10055. Оп. 2. Д. 7. Л. 37.

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 9431. Оп. 7. Д. 16. Л. 20.

⁶⁷ *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервью. Воспоминания (Из цикла «ШЕСТЬ ЛЕТ» 1917–1922 гг.). Под ред. В.Д. Вегмана. Новониколаевск, 1925. С. 114.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р.-10055. Оп. 2. Д. 7. Л. 40–42.

⁶⁹ *Там же.* Л. 42–43.

членов ЦК партии, теперь ни о каком сотрудничестве с представителями ПСР речь не шла.⁷⁰ 19 ноября в 22 часа Колчак приказал Болдыреву прибыть в Омск, неисполнение чего должно было считаться актом неповиновения.

Сразу после омских событий воззвание из Уфы с протестом против низложения Директории и с призывом объединиться в борьбе против Колчака было получено и в Оренбурге. Причина обращения оппозиционеров к Дутову понятна – оренбургский атаман и командующий войсками Юго-Западной армии располагал в то время довольно крупными вооруженными силами (по данным на 28 декабря 1918 г. – около 30,5 тысячи штыков и сабель⁷¹) и мог не только морально, но и вполне реально воздействовать на других политических деятелей.

Как впоследствии отмечал помощник Дутова Генерального штаба генерал-майор И.Г.Акулинин: «Поддержка атаманом Дутовым той или другой стороны в те дни имела первенствующее значение».⁷² Однако, поскольку Дутов одним из первых военачальников на востоке России признал верховную власть Колчака, что, во многом, повлияло на выбор остальных, на его содействие эсеры в тот период рассчитывать не могли. Как вспоминал Г.К. Гинс, «Претендовать на звание Верховного Правителя он (Дутов – А.Г.) не собирался. Это связало бы его, как человека, любящего, прежде всего, независимость атамана. Он сразу признал адмирала, но от имени войск Оренбургского и Уральского он сделал запрос адмиралу по поводу отношения его к Учредительному Собранию, так как войска, якобы, волновались ввиду конфликта между адмиралом и Учредительным Собранием».⁷³ Генерал Болдырев впоследствии писал, что Дутов являлся «довольно важной, хотя и скрытой пружиной Омского переворота».⁷⁴

Не имея возможности повлиять на решение Дутова, эсеры предприняли попытку срыва его переговоров с Колчаком. В разговоре по прямому проводу между представителем Совета управляющих ведомствами М.А. Веденяпиным и представителем Чехословацкого национального совета доктором Куделя первый заявил: «Попытка Совета (управляющих ведомствами – А.Г.) воспрепятствовать сговору КАЛЧАКА (так в документе – А.Г.) с Дутовым по прямому проводу, парализована генералом Сыровым, который запретил даже доставлять Совету контрольную ленту, обеспечив монархистам возможность беспрепятственно осуществлять свой заговор и лишив Совета (так в документе – А.Г.) возможности принять меры противодействия. Кроме того, генерал СЫРОВОЙ крайне ограничил даже круга (так в документе – А.Г.) лиц и учреждений, которым Совет Управляющих может посылать политические телеграммы и не только на фронт, но и на всей территории, освобожденной от большевиков. Сейчас генерал Сыровой требует отправки Дутову пяти миллионов, которые будут употреблены для содействия Колчаку против демократии. Генерал Сыровой требует передачи в руки военного командования милиции и государственной охраны, без чего Совет не сможет осуществлять важнейшие свои функции охраны безопасности граждан, государственного порядка и

самой государственной власти, Совету известно предположение о назначении генерала КАППЕЛЯ командующим Самарского и Симбирского фронта. Совет отдаст должное военным заслугам и способностям генерала Каппеля, но он (Каппель – А.Г.) никогда не скрывал своих монархических убеждений и назначение его на столь ответственный пост в момент монархического Омского мятежа равносильно активному содействию этому мятежу. Указанные меры, ослабляющие позицию демократии и содействующие монархистам, оправдываются будто бы интересами фронта. Совет Управляющих и вся русская демократия, более кого бы то ни было заинтересованы в укреплении фронта, разрушение которого грозит потерей последней территории, откуда может вести борьбу демократия и содействующие монархистам уже вызвали тревогу на фронте, поколебали его стойкость и угрожают окончательно разложить его, ибо войска демократии не смогут и не захотят драться за монархию. Мы гарантируем успешную защиту Самарского и Симбирского участка фронта при условии назначения командующим русскими частями этого фронта полковника Махина при общем командовании Войцеховского. Все указанные меры были бы приняты, меры оккупационные монархического неприятельского отряда (так в документе – А.Г.), но совершенно непонятны, когда они исходят от имени демократического правящего органа дружественной чехословацкой нации. Мы полагаем, что меры эти представляют ряд недоразумений, которые мы просим высчитать. Если же такие меры, как изъятие из рук Совета милиции и Государственной Охраны, назначение командующим фронтом генерала Каппеля, предоставление Дутову возможности сговориться с Колчаком и отправка ему денежных средств для осуществления своего заговора, будет приводиться в исполнение, то Совет Управляющих, лишенный возможности исполнять свои задачи и нести ответственность, вынужден будет сложить свои полномочия. Мы надеемся, однако, что между Чешской и Русской демократией не может возникнуть таких разногласий и что указанные недоразумения будут Вами устранены».⁷⁵

В.М.Чернов в этой связи отметил, что «тут мы столкнулись с целым рядом трудностей... Нам надо было для посылки в Омск снять с фронта несколько наиболее надежных в революционном смысле частей. Но они были разбросаны, нейтралитет Гайды и Войцеховского означал выполнение оперативных директив Омска, а директивы эти были направлены к разобщению тех частей, на которые могли опереться мы...».⁷⁶ Как впоследствии вспоминал Генеральный штаба генерал-лейтенант Д.В. Филатьев: «Антигосударственная партия [эсеров] и такой же Комуч... теперь с легким сердцем готовы были начать войну с тылом во имя торжества партийных догм, а если ее не открыли, то только потому, что за ними никакой силы не оказалось и надежда на какую-то мобилизацию «всех сил» не оправдалась, как не осуществилось желание втравить в борьбу с Омском чехов».⁷⁷

19 ноября по распоряжению А.В. Колчака участники съезда членов Учредительного собрания во главе с В.М.Черновым были арестованы группой молодых офицеров 25-го Екатеринбургского горных стрелков

⁷⁰ Майский И.М. Указ. соч. С. 325.

⁷¹ РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.

⁷² Акулинин И. Колчак и атаман Дутов. Отзвуки омского переворота 18 ноября 1918 года в Оренбурге и Уфе. // Возрождение (Париж). 1930. 07.02. № 1711. С. 2.

⁷³ Гинс Г.К. Указ. соч. Т. 2. Ч. 2. С. 8.

⁷⁴ Болдырев В.Г. Указ. соч. С. 170.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 9431. Оп. 7. Д. 16. Л. 22–22об.

⁷⁶ Чернов В.М. Указ. соч. С. 381–382.

⁷⁷ Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922. Воспоминания очевидца. Париж, 1985. С. 36.

полка в екатеринбургской гостинице «Пале-Рояль».⁷⁸ Причиной ареста стала телеграмма Колчаку из Уфы, подписанная несколькими деятелями Комуча, с угрозой открытия боевых действий против Омска.⁷⁹ Однако под давлением Чехословацкого национального совета генерал Гайда был вынужден отпустить арестованных, которые вечером 20 ноября были высланы в Челябинск. По мнению С.П. Мельгунова, Гайда все время вел двойную игру.⁸⁰ К слову сказать, его личным другом был видный эсер-кооператор Н.В.Фомин.⁸¹

22 ноября солдаты и офицеры 25-го Екатеринбургского полка подали рапорт на имя Гайды, утверждая, что арест депутатов был осуществлен по их инициативе: «мы, видя отсутствие мер по отношению к предателям, – говорилось в документе, – решились на шаг, нарушивший воинскую дисциплину... не спросив разрешения своих высших начальников, мы арестовали мятежников, во главе с Черновым...».⁸² В Челябинске командующий Чехословацким корпусом генерал Сыровой предложил делегатам съезда выехать в город Шадринск Пермской губернии «как наиболее удобный, спокойный пункт».⁸³ В Шадринске никакая активная работа, разумеется, была бы невозможна. Исполком же выдвинул категорическое требование отправки в Уфу – единственный пункт, в котором эсеры могли чувствовать себя в то время в относительной безопасности. Помимо того, что в Уфе находился Совет управляющих ведомствами Комуча, город был еще и центром формирования оппозиционных Омску вооруженных сил – уже упоминавшихся выше русско-чешских полков и батальонов имени Учредительного собрания, запрещенных в свое время генералом Болдыревым (этот запрет Уфой фактически игнорировался⁸⁴). Вечером 23 ноября участники съезда прибыли в Уфу.⁸⁵ Однако и там они почувствовали себя не вполне комфортно из-за двусмысленной позиции чехов, зависевших от союзников, которые поддерживали переворот в Омске (особенно Великобритании), а по некоторым данным даже были его инициаторами.⁸⁶ Кроме того, на съезде в конце ноября произошел раскол на левых и правых, причем, первые выступали за ликвидацию съезда, всего антибольшевистского фронта и за отъезд в Советскую Россию.⁸⁷

Чешский политический деятель доктор Власак полагал, что «особенно на театре военных действий, к которому принадлежит Уфа, насильственные политиче-

ские выступления недопустимы, и командование имеет право их не допускать и предупреждать. На этот счет, несомненно, командующий группой (Войцеховский – А.Г.) потребует указание от штаба западного фронта».⁸⁸

После прибытия в Уфу Чернов, фактически находившийся на нелегальном положении, от имени ЦК ПСР направил Чехословацкому национальному совету ультиматум, потребовав сотрудничества в борьбе против Колчака или окончательного разрыва отношений. Ультиматум помимо требований содержал краткий обзор событий на востоке России в сентябре-ноябре 1918 г., а также характеристику сложившихся политических сил. В тексте ультиматума командному составу чехословацких войск противопоставлялись старшие офицеры русской армии, которые, якобы, отнеслись «на задний план, держа в загоне и распыляя истинно демократическую часть офицерства, носительницу труда и таланта...».⁸⁹

Любопытно, что в ультиматуме предлагалось создать объединенное русско-чешское военное ведомство, которое возглавил бы управляющий чехословацким военным ведомством подполковник (произведен 29 ноября 1918 г.) Рудольф Медек «при двух товарищах министра по выбору русской демократии».⁹⁰ По всей видимости, на один из постов товарища военного министра предполагалось назначить Генерального штаба полковника Ф.Е.Махина.⁹¹ Этот ультиматум в Челябинск должны были отвезти И.М.Брушвит и Л.Я.Герштейн, а в Челябинске к ним должен был присоединиться Н.В.Фомин.

Однако события развивались стремительно. Приказ об аресте бывших членов Комуча и их союзников был отдан адмиралом А.В. Колчаком 30 ноября 1918 г. В приказе говорилось: «Бывшие члены Самарского Комитета Членов Учредительного Собрания, Уполномоченные Ведомствами бывшего Самарского Правительства... и примкнувшие к ним некоторые антигосударственные элементы в Уфимском районе, в ближайшем тылу сражающихся с большевиками войск, пытаются поднять восстание против Государственной власти: ведут разрушительную агитацию среди войск; задерживают телеграммы Верховного Командования; прерывают сообщения Западного Фронта и Сибири с Оренбургскими и Уральскими казаками; присвоили громадные суммы денег, направленные Атаману Дутову для организации борьбы казаков с большевиками, пытаются распространить свою преступную работу по всей территории, освобожденной от большевиков».⁹² Далее всем русским военным начальникам предписывалось «самым решительным образом пресекать преступную работу вышеуказанных лиц».⁹³

Уже утром 2 декабря, в понедельник, в Уфу из Челябинска прибыл отряд командира 41-го Уральского стрелкового полка полковника А.В. Круглевского

⁷⁸ Новые материалы об этом см.: Кручинин А.М., Неймин Н.Б. В защиту белого генерала // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2003. № 12. С. 102.

⁷⁹ Протоколы допроса адмирала Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске в январе-феврале 1920 г. // Архив русской революции. Т. X. Берлин, 1923. С. 304–305.

⁸⁰ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Ч. 2. Белград, 1930. С. 175.

⁸¹ Чернов В.М. Указ. соч. С. 391.

⁸² Гинс Г.К. Указ. соч. Т. 2. Ч. 2. С. 12; Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года. Сборник документов. Собрал и издал В.Зензинов. Париж, 1919. С. 42.

⁸³ Юго-Восточному Комитету... С. 403

⁸⁴ Свяцкий Н.[В.] Указ. соч. С. 86.

⁸⁵ Владимирова В. Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контр-революции в 1918 году. Под ред. Я.А. Яковлева. М.-Л., 1927. С. 374.

⁸⁶ Мельгунов С.П. Трагедия Адмирала Колчака. Ч. 2. Белград, 1930. С. 111.

⁸⁷ Свяцкий Н.[В.] Указ. соч. С. 123.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. 9431. Оп. 7. Д. 16. Л. 21.

⁸⁹ Чернов В. Обращение к социалистам Чехословакии (Уфа, ноябрь-декабрь 1918 г.) // The Socialist-Revolutionary Party After October 1917. Documents from the P.S.-R. Archives / Marc Jansen [ed.]. Amsterdam, 1989. P. 337.

⁹⁰ Ibid. P. 342.

⁹¹ Юго-Восточному Комитету... С. 404; Мельгунов С.П. Трагедия Адмирала Колчака. Ч. 2. Белград, 1930. С. 182.

⁹² Приказ Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России № 56. 30.11.1918 г. // Русская Армия (Омск). 03.12.1918. № 13. С. 1.

⁹³ Там же.

(450 штыков).⁹⁴ А 3 декабря Генерального штаба генерал-майор С.Н. Войцеховский заявил В.К. Вольскому, что не может ручаться за безопасность съезда в Уфе и предложил делегатам уехать в другое место.⁹⁵ Получив такой ответ, депутаты пришли к выводу о необходимости привести в полную боевую готовность верные части. Здесь существует расхождение в изложении хода событий двумя съездовцами – С.Н. Николаевым и Н.В. Святицким. Первый утверждал, что преданных съезду войск в Уфе хватало, второй же считал, что войск не было, поскольку все верные эсерам формирования находились на фронте, в 200 верстах от Уфы. Тучи над эсерами сгущались, и лидер партии В.М. Чернов, судя по всему, значительно усилил свою охрану – с 4-6 до 20 человек.⁹⁶

В распоряжении съезда в Уфе, по мнению С.Н. Николаева, были следующие силы: русско-чешский батальон (полк) (400–450 штыков), отряд (батальон) имени Учредительного собрания (1000 штыков на фронте и 250 – в Уфе) и конный отряд Б.К. Фортунатова (100 сабель). Кроме того, депутаты рассчитывали на поддержку Ижевской бригады и мусульманских (башкирских) частей. В самой Уфе формировался еще один батальон Учредительного собрания, но генерал Войцеховский приказал не выдавать солдатам оружие. Позднее он, по свидетельству депутата Н.В. Святицкого, уступил требованиям съездовцев, но не изменил своего отрицательного отношения к формированию таких частей.⁹⁷ Депутат С.Н. Николаев вспоминал: «... под предлогом, что стоящим в тылу частям нет нужды иметь надлежащее вооружение. В их распоряжении были оставлены лишь берданки, и то в недостаточном количестве, и несколько дрянных пулеметов».⁹⁸

Вполне надежен был конный отряд Б.К. Фортунатова. Вот что спустя десять с лишним месяцев после рассматриваемых событий записал в своем дневнике один из офицеров отряда: «Сзади же нас... ненавистная нам реакционная армия, которая, оправившись, несмотря на то, что мы прикрывали их отход, не преминула [бы?] с нами расправиться».⁹⁹ Яркий пример отношения сторонников ПСР к белым. Что касается Ижевской бригады, то надежды эсеров на нее не оправдались. Бригада практически сразу перешла на сторону адмирала Колчака. На офицерском собрании командир бригады штабс-капитан Журавлев – ставленник эсеров – попытался склонить офицеров на сторону Директории. Его поддержали лишь двое сообщников, которые вместе с самим Журавлевым через некоторое время бежали из бригады, захватив два миллиона рублей.¹⁰⁰ В одной из телеграмм сообщалось, что: «Отступление от Ижевска происходило беспорядочно. Самую большую беспорядочность проявил штаб. Поступок Ижевского штаба по отношению к Членам Уч[редительного] Соб[рания] самое постыдное, вернее – предательское. Члены Уч[редительного] Соб[рания]

даже не были поставлены в известность относительно оставления Ижевска. Чрезвычайное осадное положение и военная диктатура введена и проводится самым беспощадным образом...».¹⁰¹ По всей видимости, речь шла о ненадежности ижевцев в отношении их приверженности ПСР.

По свидетельству того же Николаева, отряд Фортунатова был приведен в боевую готовность и верхом прождал до утра, офицеры русско-чешского батальона (полка) также ждали сигнала к выступлению и, не дождавшись, разошлись по домам. Дело в том, что посланец от съезда к этим частям был задержан правительственными войсками, и сигнала к выступлению не последовало.¹⁰² В ночь на 3 декабря целый ряд (по одним данным – 12, по другим – 14, точный список до сих пор неизвестен) членов Учредительного собрания (Н.Н. Иванов, Ф.Ф. Федорович (оба – члены ЦК ПСР), В.Е. Павлов, В.Н. Филипповский, И.П. Нестеров, В.В. Подвицкий, С.М. Лотошников, В.Т. Владыкин, И.В. Васильев, Дошанов,¹⁰³ А.Н. Алексеевский, С.Н. Николаев, К.Т. Почекуев, а также киргизский депутат (Г.-А.-Р. Фохретдинов, М.А. Мирза-Ахмедов или Х.-Б. Юргули-Агаев), а также заведующий охраной съезда эсер А.Н. Сперанский, управляющий канцелярией съезда Н.Я. Барсов, бухгалтер съезда В.А. Марковецкий и другие были арестованы и отправлены в Омск (прибыли 5 декабря) для проведения суда над ними, в Челябинске был арестован Н.В. Фомин.¹⁰⁴

Оставшиеся на свободе одиннадцать лидеров партии и представителей руководящих органов съезда, в том числе такие политические фигуры, как: В.М. Чернов, М.А. Веденяпин, В.К. Вольский, П.Д. Климушкин и другие (Н.И. Ракитников, К.С. Буревой (Сопляков), Н.В. Святицкий, И.С. Алкин, Д.П. Сургучев, а также два представителя офицерской эсеровской группы (!),¹⁰⁵ фамилии которых установить не удалось) собрались 5 декабря на нелегальное совещание. Было принято решение прекратить борьбу с большевиками и «... все силы демократии направить против диктатуры КОЛЧАКА (так в тексте – А.Г.)».¹⁰⁶ Однако уже 10 декабря ЦК ПСР провозгласил борьбу на два фронта (и против красных, и против белых). «Борьба с Колчаком должна выразиться в подготовке восстания против власти его и его клевретов», – вспоминал один из депутатов.¹⁰⁷ В июне 1919 г. курс на борьбу с белыми был закреплен решением 9-го Совета партии эсеров, на котором была выдвинута идея «единого боевого фронта демократии против контрреволюции».¹⁰⁸

⁹⁴ ГА РФ. Ф. 9431. Оп. 7. Д. 16. Л. 11.

⁹⁵ Николаев С. [Н.] Конец КОМУЧ-а. С. 293.

⁹⁶ Личность установить не удалось. В другом списке – Лощенов – Юго-Восточному Комитету... С. 405 – А.Г.

⁹⁷ Впоследствии из этой группы Н.В. Фомин и Н.Я. Барсов, вопреки указаниям адмирала А.В. Колчака, были расстреляны вместе с некоторыми другими арестованными во время восстания в пригороде Омска Куломзино в ночь с 22 на 23 декабря 1918 г. Однако, несмотря на поднятую эсерами, а позднее и советскими историками, истерию в связи с тем, что Колчак, якобы, уничтожает депутатов Учредительного Собрания, единственным погибшим депутатом являлся Н.В. Фомин. Другой депутат, К.Т. Почекуев, бежал из тюрьмы и замерз – Плотников И.Ф. Гибель... С. 89.

⁹⁸ Святицкий Н. [В.] Указ. соч. С. 135.

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 147. Оп. 10. Д. 8. Л. 13.

¹⁰⁰ Святицкий Н. [В.] Указ. соч. С. 136.

¹⁰¹ Партия социалистов-революционеров: Девятый Совет Партии и его резолюции (июнь 1919 г. Москва). Париж, 1920. С. 15.

⁹⁴ Николаев С. [Н.] Конец КОМУЧ-а. С. 290, 297; Петров П.П. От Волги до Тихого Океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 63.

⁹⁵ Юго-Восточному Комитету... С. 405.

⁹⁶ Святицкий Н. [В.] Указ. соч. С. 102, 127; Юго-Восточному Комитету... С. 402.

⁹⁷ Святицкий Н. [В.] Указ. соч. С. 126.

⁹⁸ Николаев С. [Н.] Конец КОМУЧ-а. С. 292.

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 804. Л. 10.

¹⁰⁰ Урал и Прикамье (ноябрь 1917 – январь 1919). Документы и материалы. Под ред. М.С. Бернштама. Париж, 1982. С. 588.

Для организации восстания была избрана военная комиссия в составе четырех человек (известны глава комиссии В. Соколов, Д.П. Сургучев – оба впоследствии расстреляны,¹⁰⁹ весьма вероятно, что еще двое – уже упоминавшиеся члены офицерской эсеровской группы, имена которых эсеровские мемуаристы не афишировали). Центром восстания должен был стать район Уфы и Златоуста. Планировалось своими силами занять уфимский район, а затем заключить договор с представителями наступавших на Уфу частей красных. Оставшиеся на свободе депутаты должны были разъехаться по районам и активно участвовать в организации восстаний в районе Златоуста, Екатеринбурга, Омска и Томска. В Уфе оставались лишь несколько человек для центрального руководства. Восстание планировалось осуществить через полторы-две недели. Всерьез рассматривались утопические идеи повторного созыва Учредительного Собрания в Москве в союзе с большевиками и левыми эсерами.

По причине отсутствия связи с верными съезду частями, восстание не было поднято. К тому же, чехи потребовали от съезда не уводить свои части с фронта, лишив его, таким образом, какой бы то ни было вооруженной силы. Но, как справедливо отметил Г.К.Гинс: «Легкая победа в Екатеринбурге и Уфе не была окончательной победой. Правительству Колчака все время пришлось вести борьбу на два фронта: с большевиками и эсерами».¹¹⁰

События в Оренбурге следует рассматривать как подготовку одного из эсеровских выступлений, заблаговременно раскрытую сторонниками омской власти. Об этом свидетельствует и высказывание В.М. Чернова в беседе с делегатами английской независимой рабочей партии в апреле 1920 г. о том, что после событий в Екатеринбурге и Челябинске «борьба была перенесена в Оренбург».¹¹¹ Хотя идея выступления в Оренбурге появилась у заговорщиков еще до директив ЦК ПСР.

Уже 19 ноября (впрочем, в том же деле есть и другая датировка разговора – 20 ноября) атаман Дутов сообщил Колчаку по прямому проводу, что «Комитет Учредительного собрания своими воззваниями мешает работать и нарушает спокойствие. Все идет из Уфы. Доношу, что во вверенной мне армии полный порядок. И я свято исполняю Ваши приказы [и] приму меры, чтобы армия не коснулась политики. Просил бы Ваши директивы по отношению гражданских управлений и населения. Как относятся союзники и Чешский совет? Как Америка, Италия и Япония [?] Я уверен, что чехи лишь по тактическим соображениям не говорят открыто, лишь в душе сочувствуют. Где генерал Болдырев и что он предпринимает [?] Сейчас перехватил радио о занятии союзниками Петрограда – буду проверять. Убедительно прошу ежедневных Ваших директив и полной информации, без чего сейчас нельзя. Могу ли рассчитывать на это [?] Счастливио оставаться. Атаман Дутов», на что Колчак ответил: «... Всей душой благодарю Вас, господин атаман, за Ваше согласие работать со мной [ради] общей цели по спасению Родины. Из всех полученных мною заверений в поддержке и по-

мощи от союзников и начальников частей мне особенно дорога Ваша помощь и поддержка как сильного защитника и первого защитника Родины, не прерывавшего борьбы с ее врагами. Вчера у меня была депутация представителей всех казачьих войск и сообщила мне солидарность со мной и готовность совместно работать. Препятствия к общественной безопасности исходят из указанного Вами источника, а также партии, связь с которой бывшего Правительства послужила причиной Омских событий. Очень озабочен этим вопросом, но затрудняюсь сообщить Вам свои соображения по [этому] поводу и пошлю Вам их шифром...».¹¹²

Опасность оренбургского заговора для белых заключалась в том, что в числе его организаторов были представители нескольких разноплановых и достаточно влиятельных политических сил: член ЦК ПСР В.А. Чайкин, башкирский лидер А.-З. Валидов, казахский лидер и автономист М. Чокаев, представители оренбургской казачьей интеллигенции: командующий Актюбинской группой Оренбургского казачьего войска Генерального штаба полковник Ф.Е. Махин и атаман 1-го (Оренбургского) военного округа полковник К.Л. Каргин. Несмотря на кажущуюся «реакционность» казачьей столицы, именно в Оренбурге заговорщики могли рассчитывать на поддержку воинских частей, входивших в состав Юго-Западной армии Дутова и непосредственно подчиненных ярым противникам оренбургского атамана Валидову и Махину. Захватив власть, заговорщики могли расколоть антибольшевистский лагерь на востоке России и, тем самым, привести к падению всего Восточного фронта. Башкирский лидер А.-З. Валидов, судя по его воспоминаниям, ненавидел Колчака больше, чем многие эсеры и открыто называл его своим врагом.¹¹³ Противоречия резко усилились после обнародования 21 ноября приказа Колчака о ликвидации казахского и башкирского правительств и о роспуске башкиро-казахского корпуса.

22 ноября в командование корпусом вступил сам Валидов. По мнению генерала Акулинина, Валидов вел постоянные переговоры по прямому проводу с членами Учредительного собрания в Уфе.¹¹⁴ Для координации подпольной работы в Оренбург прибыл член ЦК ПСР, лидер туркестанских эсеров политик крайне левого толка Вадим Чайкин. Он был давним другом Валидова, и они легко нашли общий язык.¹¹⁵ По поводу политических взглядов Чайкина депутат Е.Е. Лазарев в письме Е.К. Брешко-Брешковской от 6 ноября 1918 г. писал: «Непримиримо левым оказался член ЦК Чайкин, молодой, очень неглупый и человек настойчивый, который резко порицает ЦК за то, что тот допустил даже Уфимское совещание и явно участвовал в измене и предательстве Учредительного собрания и самой партии с.-р...».¹¹⁶

¹¹² ГА РФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 22. Л. 34, 36. С некоторыми искажениями опубликовано в кн.: *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002. С. 307-308.

¹¹³ *Тоган З.-В.* Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997. С. 175.

¹¹⁴ *Акулинин И.* Колчак и атаман Дутов...//Возрождение (Париж). 1930. 07.02. № 1711. С. 2.

¹¹⁵ *Тоган З.-В.* Указ. соч. С. 106, 117–118.

¹¹⁶ *Окончательная гибель Всероссийского Учредительного Собрания. Сентябрь-декабрь 1918 г.* Публикация д.и.н. И.Ф.Плотникова // Исторический архив (Москва). 1999. № 4. С. 150.

¹⁰⁹ *Святыцкий Н.[В.]* Указ. соч. С. 139–140.

¹¹⁰ *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 2. Ч. 2. С. 14.

¹¹¹ *Протокол свидания Чернова с членами английской делегации, обнаруженный при аресте члена партии с.-р. т. Гончарова 23 VI (1920 г.) // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. Сост. Н.Д. Ерофеев. М., 2000. С. 651.*

Вместе с еще одним будущим заговорщиком – депутатом от Ферганской области и вторым товарищем председателя Съезда членов Учредительного собрания (от мусульманской фракции) Мустафой Чокаевым, Чайкин 22 ноября 1918 г. бежал из железнодорожного вагона, доставившего их из Екатеринбурга в Челябинск. Среди депутатов распространился слух, что всех их арестуют, и Чайкину с Чокаевым было поручено заготовить на всякий случай семь троек с надежными ямщиками.¹¹⁷ Они ушли из вагона со всеми своими вещами и больше в поезд не возвращались. Как писал Мустафа Чокаев: «Мы теперь убедились, что совместная с белыми борьба против большевиков не приведет нас к нашей цели».¹¹⁸

Именно тогда, согласно воспоминаний М. Чокаева, у них созрел план освобождения Туркестана от красных, для чего необходимо было смещение Дутова.¹¹⁹ Это решение, таким образом, было принято двумя депутатами вне связи с официальными директивами руководства партии и съезда. Если верить в этом отношении Чокаеву, то получается, что цели у всех заговорщиков были разные, но план действий один: смещение Дутова и восстановление власти Учредительного собрания.

Для сравнения, сам Валидов позднее писал о событиях тех дней: «Единственное, что можно было сделать для победы демократии – это, договорившись с верными демократической идее уральскими и оренбургскими казаками, отстранить генерала Дутова. Если бы это удалось, было бы восстановлено правительство Комуча, и красные могли бы быть снова отброшены за Волгу».¹²⁰ Конечно, наивно думать, что восстановление власти Комуча могло способствовать каким-либо успехам на фронте (в этом вопросе приоритет явно за диктатурой), но в этой цитате – политическая программа заговорщиков.

Валидов лично инспектировал верные ему части на Актюбинском фронте 6 и 25 ноября, именно на фронте он встретился с будущими заговорщиками: полковниками Махиным и Каргиным (Каргин до революции некоторое время находился под негласным надзором полиции,¹²¹ происходил из той же станицы Буранной, что и отец Махина) и представителями уральцев и договорился с ними о мерах против Дутова.¹²² Свержение Дутова, одним из первых признавшего Колчака, для оппозиции могло стать символом скорой победы и над самим Колчаком.

Таким образом, заговор стал складываться как минимум с 25 ноября. Такого же мнения придерживался и М. Чокаев, утверждавший, что «...переворот этот мог быть задуман только после прихода к власти адмирала Колчака».¹²³ Однако в мемуарах Валидова есть фраза, относящаяся уже к неудачному исходу заговора, которая дезавуирует предыдущее высказывание: «Так за несколько часов провалился план, который готовился в течение нескольких месяцев».¹²⁴ В этом случае начало формирования заговора можно отнести к периоду августа-сентября 1918 г. – времени наиболее острого противостояния между Комучем и атаманом Дутовым, а приход к власти Колчака еще более способствовал

консолидации левой антиколчаковской и антидутовской оппозиции. К сожалению, любые заговоры, особенно неудачные, оставляют после себя минимальное количество источников. Поэтому нельзя точно сказать, когда начал формироваться этот заговор. Уфимские эсеры активно участвовали в переговорах со своими сторонниками на Южном Урале.

В ноябре 1918 г. М.А.Веденяпин вел переговоры по прямому проводу с полковником Махиным, что само по себе, на мой взгляд, является преступным для Махина – армия не должна вмешиваться в политику. Есть данные о том, что эти разговоры были регулярными, однако сохранились тексты только двух из них. 6 ноября между Уфой и Ак-Булаком, где находился Махин, состоялся первый документально подтвержденный разговор: «Веденяпин. Здравствуйте, Федор Евдокимович, привет Вам от всех нас. Я Вас слушаю.

Махин. Доброе здоровье, Мих[аил] Александрович. Во-первых, я хотел ответить на Ваш вопрос [о] посредничестве [в] деле Майстраха¹²⁵ с Петровичем.¹²⁶ Прибыть лично для переговоров не могу, говорить только по аппарату, во 2-х, узнать от Вас об общем положении.

Веденяпин. Вас запросил, потому что Майстрах указал на Вас, сделал это только для формальности, знал заранее о неосуществимости суда. Общее положение таково. Временное Правительство на днях издаст акт о ликвидации всех областных правительств, в том числе и нашего Совета. Сибирский аппарат Министров и административный переходят в распоряжение Вр[ременного] Пр[авительства], другими словами, Сибирское Правительство становится Всероссийским (здесь и далее – подчеркнуто в документе – А.Г.). [В] Настоящее время на этом сосредоточено все внимание. [В] Настоящее время положение [для] нас значительно ухудшилось. Съезд в Екатеринбурге приступил к работам. В Уфе нас четыре человека: Филипповский, Нестеров, Климушкин и я. На фронте у нас только добровольческие части Каппеля, Фортунатова, батальон Имени Учредительного Собрания и русско-чешский полк и ваши части. Есть приказ ген[ерала] Болдырева о прекращении формирования добровольческих частей и о роспуске имеющихся. Ижевск все еще борется, туда сегодня поехали Былинкин¹²⁷ и Несмеянов.¹²⁸ Донской¹²⁹ шлет Вам привет и очень просит Вас приехать к нему в Советскую Россию. Прибыл курьер из Деникинской армии, который сообщает, что, якобы, армия насчитывает до 120 тысяч штыков.

¹²⁵ Речь идет о неком Владимире Майстрахе, личность которого установить не удалось – А.Г.

¹²⁶ Кто такой «Петрович» установить не удалось, однако из других документов известно, что он играл важную роль в военной организации ПСР, в частности, после переворота в Омске его просили направить полк Тараса Шевченко в Челябинск (ГА РФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 22. Л. 26 об.) – А.Г.

¹²⁷ Былинкин А.С. – член ПСР, баллотировался в члены Учредительного Собрания от Румынского фронта. Управляющий ведомством юстиции Совета управляющих ведомствами (1918) – А.Г.

¹²⁸ Несмеянов В.А. – член ПСР, участник московской боевой организации, вышел из ПСР в 11.1918 г. – А.Г.

¹²⁹ Донской Дмитрий Дмитриевич (1881–1936) – член ПСР (вступил не позднее 1907 г.), врач, член ЦК ПСР (с 12.1917). Руководил военной комиссией ЦК ПСР (1918). Один из руководителей эсеровского антибольшевистского подполья в Москве. Арестован ВЧК летом 1919 г. В 1924 г. выслан в Нарымский край, работал в районной больнице. Покончил с собой – А.Г.

¹¹⁷ Святцкий Н.[В.] Указ. соч. С. 114.

¹¹⁸ РГВА. Ф. 461(К). Оп. 2. Д. 142. Л. 18.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Тоган З.-В. Указ. соч. С. 185.

¹²¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 420. Л. 278–278об.

¹²² Тоган З.-В. Указ. соч. С. 187.

¹²³ РГВА. Ф. 461(К). Оп. 2. Д. 142. Л. 17.

¹²⁴ Тоган З.-В. Указ. соч. С. 187.

Махин. Собственно на моем Ташкентском фронте мы заставили противника перейти к обороне. Менее успешно идут дела на Самарском фронте. Там инициатива в руках противника. Перспективы пока трудно там наметить, ибо они в значительной степени будут зависеть от числа союзнических войск, которые будут находиться в России. Лично я продолжаю пока не верить в близком будущем союзной помощи с их стороны, но твердый курс политики Временного Правительства заставляет думать, что у него есть большая реальная сила, вероятно, таящаяся где-либо в Сибири. Где генерал Галкин. Тогда трудно объяснить (на этом документ обрывается – А.Г.)».¹³⁰

11 ноября Веденяпин в связи с распоряжением Омска о роспуске областных правительств беседовал с оренбургским представителем башкирского правительства: «В Омске Сибирское Правительство восторжествовало. Мы боимся, что не только будет ликвидирован Совет Управляющих, но будут также ликвидированы (здесь и далее – подчеркнuto в документе – А.Г.) договорные обязательства Комитета, в частности, и договор между Комитетом и Малой Башкирией и Алаш-Ордой. Поэтому необходимо нам солидарно действовать, чтобы наш договор не был нарушен. Считаю необходимым приезд Вашего представителя в Уфу».¹³¹ Башкиры отправили своих представителей в Уфу, однако были слабо осведомлены о положении в Омске.

16 ноября Веденяпин беседовал с начальником штаба Махина: «У аппарата начальник штаба полковника МАХИНА. Командующий войсками полковник МАХИН дня три не получает от Вас информации. Поэтому поручил мне с Вами переговорить и справиться, когда последний раз Вами передавалась очередная информация, и, если есть что-либо новенького, будьте добры передать, я запишу.

ВЕДЕНЯПИН. Очередная информация передавалась каждый день. Вчера последний раз была отправлена в 10 часов вечера. Сегодня мы справимся, куда делись посланные Вам телеграммы. Сейчас же абсолютно нет времени и трудно сообразить, что Вам в настоящее время передать. Вечером мы постараемся Вам все сообщить. Сердечный привет Федору Евдокимовичу.

Начальник Штаба. Благодарен. Последние сведения были получены от Вас от 13 числа. Очевидно, они где-нибудь задерживаются, поэтому я просил бы Вас передавать нам сведения по прямому проводу. Сведения нам крайне необходимы, т.к. мы издаем газету «Ташкентский фронт» и нуждаемся в материале.

ВЕДЕНЯПИН. Постараемся. Провод часто бывает занят военными депешами, и это лишает нас возможности передавать непосредственно. Сейчас приму меры, чтобы Вы получили сведения.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА. Очень благодарен. Счастливого оставаться».¹³²

Связь Махина с Уфой не прекратилась и после омского переворота. 19–20 ноября он вновь беседовал с Веденяпиным. Махин заявил: «Теперь на нас лежит большая задача спасти Россию и восстановить границы, как Франция восстановила в семьдесят первом году. Веденяпин. – Приезжайте к нам, Вас ждем. Все Вам шлем привет, в настоящее время на Самарском фронте развивается наше наступление и можно ожидать большой трепки большевикам (подчеркнуто в документе – А.Г.)».

¹³⁰ ГА РФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 22. Л. 16.

¹³¹ Там же. Л. 20.

¹³² Там же. Л. 25.

Махин ответил на это: «Ура. Будем стараться, только дальше от всех тех Самарских авторитетов, которые в верхах творят здания военной мощи России. К Вам постараюсь приехать. Держите крепко свое Знамя. До свидания».¹³³

В ночь с первого на второе декабря 1918 г. заговорщики провели свое первое и последнее совещание в Оренбурге, в здании Караван-Сарая, – резиденции башкирского правительства. Случайность или нет, но незадолго до совещания 19 ноября 1918 г. комендант зданий Караван-Сарая Такиулла Алиев был произведен из подпоручиков в поручики и тем же приказом из поручиков в штабс-капитаны.¹³⁴ На совещании, по воспоминаниям одного из его участников, Мустафы Чокаева, присутствовали: Валидов, Чокаев, Махин, Каргин и Чайкин.¹³⁵ Однако, по мнению Генерального штаба генерал-майора И.Г. Акулинина, присутствовали также члены башкирского правительства, местные социалистические лидеры и несколько офицеров башкирских полков.¹³⁶ К данному свидетельству следует относиться достаточно осторожно, так как сам Акулинин, разумеется, не являлся участником совещания и не мог в точности знать состав присутствовавших.

На совещании заговорщики утвердили состав будущего объединенного правительства трех стран (Казахстан, Башкурдистан, Казачье государство). Полковник Махин должен был стать главнокомандующим, атаман 1-го военного округа Каргин – Войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска¹³⁷, Башкурдистан представлял Валидов, Казахстан – представитель Алаш-Орды в Оренбурге Сейдазим (Сейдазым) Кулмухамедович Кадирбаев (ранее – уполномоченный Комуча по Тургайской области, утвержден в должности 25 июля 1918 г. по представлению Дутова¹³⁸) и Мустафа Чокаев (пост министра внешних связей), Вадим Чайкин также получил должность в этом правительстве. Позднее он писал, что в Оренбурге принимал «руководящее участие в подготовке восстания против атамана Дутова».¹³⁹ Есть сведения о нерешительности заговорщиков – в частности, К.Л.Каргин предлагал повременить с арестом Дутова.¹⁴⁰

Во время совещания в Оренбурге были расквартированы четыре башкирских стрелковых полка (1-, 2-, 4- и 5-й), Атаманский дивизион Оренбургского казачьего войска, 1-й Оренбургский казачий запасный полк, в котором обучались молодые казаки, конвойная сотня и караульная рота, а также артиллерийские и технические части.¹⁴¹ Таким образом, у заговорщиков, при опоре на башкирские части, были все основания рассчитывать на победу. Однако поручик Али-Ахмед Велиев (Ахметгали), по характеристике Валидова, –

¹³³ Там же. Л. 37.

¹³⁴ Приказ по Башкирскому войску. 1918. 19.11. № 8 – РГВА. Ф. 40786. Оп.1. Д.3. Л.56-56об.

¹³⁵ РГВА. Ф. 461(К). Оп. 2. Д.142. Л.18.

¹³⁶ Акулинин И. Колчак и атаман Дутов... // Возрождение (Париж). 1930. 07.02. № 1711. С. 2.

¹³⁷ РГВА. Ф. 461(К). Оп.2. Д.142. Л.18.

¹³⁸ ГА РФ. Ф. 749. Оп.1. Д.39. Л.48-48об.

¹³⁹ ГА РФ. Ф. 9427. Оп.1. Д.391. Л.1.

¹⁴⁰ Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска. Журнал еженедельный (Омск). 1919. №7. 28(15).02. С. 16.

¹⁴¹ Состав частей гарнизона г. Оренбурга на момент заговора удалось узнать из единственного документа – Приказа по гарнизону г. Оренбурга № 79 от 18.11.1918 г. с объявлением очереди мытья частей в городских банях на неделю вперед – РГВА. Ф.40213. Оп.1. Д.2347. Л.50.

татарский купец из Челябинска¹⁴², – донес о тайном совещании коменданту г. Оренбурга – капитану А. Заваруеву. Тот, в свою очередь, предупредил об этом главного начальника Оренбургского военного округа Генерального штаба генерал-майора И.Г.Акулинина. Сразу же были приведены в боевую готовность Атаманский дивизион и запасный полк, установлено наблюдение за Караван-Сараем и казармами башкирских частей, в распоряжение коменданта города вызваны русские офицеры, служившие в башкирских полках. Однако, поняв, что инициатива перешла к сторонникам Дутова, Валидов в полдень 2 декабря выехал из города, захватив все имевшиеся в наличии вагоны. Он остановился в селе Ермолаевка Оренбургского уезда Оренбургской губернии. Так или иначе, но попытка заговора против власти Дутова и Колчака не удалась.

2 декабря 1918 г. Дутов писал помощнику военноморского министра по казачьим делам генерал-майору Б.И. Хорошхину: «...меня травят везде и всюду, но, пока я на своем посту, – я не брошу борьбы, как бы тяжело и обидно подчас ни было. Казаки меня понимают. В самом Оренбурге тоже имею сильных врагов – атамана Каргина и полк[овника] Махина. Характеристику обоих спросите у Анисимова; я писать не буду: долго и много надо говорить. Башкурдистан сошел с ума и выразил неподчинение адмиралу; ну, да я очень-то не буду разговаривать, а вы там устройте так, чтобы им не давали денег на их дела, ибо это преступление – жить на российских хлебах и вести интригу, и не подчиняться власти. Полки свои втянули в политику, и мне много приходится тратить времени и труда, чтобы все это улаживать. Алаш-орда тоже шипит, а татарва уже заявила свой нейтралитет. Противно это все. Валидов это – одна сплошная глупость и недоразумение. Работы так много, что последние нервишки кончаю и устал безумно...».¹⁴³

Дальнейшая судьба заговорщиков различна. Полковник Махин получил от штаба Юго-Западной армии предписание отправиться в Омск, ему была гарантирована полная безопасность. Из Омска через Владивосток он выехал за границу.¹⁴⁴ В командование Актюбинской группой вступил генерал-лейтенант Г.П.Жуков. Башкирские части были выведены из Оренбурга на усиление Северного участка Юго-Западной армии, прикрывавшего территорию Башкирии.¹⁴⁵ По имеющимся данным, атаман Каргин ездил по округу и агитировал казаков переходить к большевикам,¹⁴⁶ он по постановлению окружного съезда 1-го военного округа был смещен со своей должности и даже попал в тюрьму, в отсутствие Дутова выпущен, затем вновь арестован и отправлен в Ставку,¹⁴⁷ позднее был взят в плен к красным под Иркутском и, по некоторым данным, расстрелян в 1921 г. по приговору военного трибунала 5-й армии. Чокаев с супругой отправился

в Гурьев и далее в Баку. Вадим Чайкин уехал вместе с ними.¹⁴⁸ А.-З. Валидов через некоторое время перешел на сторону большевиков.

Однако после провала заговора новые попытки выступлений не прекратились. Под влиянием воззваний оппозиционеров, группа офицеров и казаков 4-й сотни 16-го Карагайского атамана Дутова полка повела агитацию против Колчака.¹⁴⁹ Руководители выступления были арестованы и отправлены с фронта в Оренбург. Наказания для них, чтобы не разжигать противоречия еще больше, были ограничены дисциплинарными взысканиями.

Есть данные о том, что Валидов в декабре 1918 г. установил из Ермолаевки связь с Уфой посредством летучей почты, доставка корреспонденции занимала менее суток.¹⁵⁰ Кроме того, он встречался с неким офицером Кондратьевым – доверенным лицом Н.Д. Авксентьева, отвечавшим за связи с башкирским правительством. Возможно, что после высылки членов Директории за границу, он представлял при Валидове интересы оставшихся на свободе эсеров. По крайней мере, он считал, что диктатура Колчака долго не продержится, и власть вновь вернется к сторонникам Учредительного собрания. Этот же офицер передал башкирам оружие, спрятанное на Усольском заводе.¹⁵¹ Конечно, все эти инициативы нельзя сравнивать по масштабам с попыткой переворота в Оренбурге.

В свете вышеприведенных фактов становится совершенно ясной несостоятельность тезиса советской историографии о том, что против большевиков эсеры боролись всерьез, тогда как против белых как будто бы «понарошку».¹⁵² На самом деле, наоборот, в конце 1918 г. эсеры пришли к прекращению борьбы с большевиками и всемерно стремились к свержению диктатуры Колчака, считая большевиков куда менее опасным противником. Доказательством тому – уфимские переговоры группы эсеров во главе с В.К. Вольским с большевиками в январе 1919 г. (справедливости ради отмечу, что эсеровские организации почти сразу после этих переговоров поспешили от них откеститься и назвать переговорщиков провокаторами¹⁵³). Эта постоянная борьба стала одной из причин неудачи Белого движения на востоке России.

Ведя подрывную работу против армии адмирала Колчака, представлявшей в 1918–1920 гг. наиболее мощную антибольшевистскую силу на востоке России, эсеры и их сторонники фактически потворствовали большевикам (несмотря на антибольшевистскую демagogию). После окончания Гражданской войны многие из них оказались выброшенными за пределы страны и всеми забытыми. Впрочем, некоторые из них нашли себе новое достойное амплуа – стали работать

¹⁴⁸ Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. М., 1994. С. 190.

¹⁴⁹ Войнов В.М. Оренбургское казачье войско в годы революции и гражданской войны (октябрь 1917–1919 гг.) // Оренбургское казачье войско: исторические очерки. Челябинск, 1994. С. 92.

¹⁵⁰ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 3. Л. 99.

¹⁵¹ Тоган З.-В. Указ. соч. С. 189.

¹⁵² Плотникова М.Е. Колчак и эсеровская «оппозиция» // Вопросы истории Сибири. Под ред. И.М. Разгона и Л.И. Боженко. Вып. 3. Томск, 1967. С. 174, 176, 179.

¹⁵³ См., напр.: Возрождающаяся Россия: эсеры об уфимских предателях // Курганская свободная мысль. 1919. № 46. 04.03. С. 2.

¹⁴² Тоган З.-В. Указ. соч. С. 187.

¹⁴³ Письма атамана Дутова // Наш путь. Ежемесячный журнал Дальбюро ЦК РКП (Чита). 1923. Апрель. № 8. С. 48.

¹⁴⁴ Енисейский вестник (Воля Сибири). Издается при Управлении Енисейской губернией (Красноярск). 1919. 08.02. С. 3.

¹⁴⁵ РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 6. Л. 2; Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай, 1937. С. 103.

¹⁴⁶ Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска. Журнал еженедельный (Омск). 1919. №7. 28(15).02. С. 16.

¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 52. Л. 52, 60.

на польскую (Чокаев¹⁵⁴) или советскую (Валидов¹⁵⁵, Махин¹⁵⁶) разведку.

В заключение можно привести, на мой взгляд, вполне справедливое высказывание из антиэсеровского политического памфлета, составленного неким В. Ферганским во Владивостоке в 1921 г.: «Партия эс-эров в течение четырех лет русской революции сыграла роковую для русского народа роль. Эс-эры систематически взрывали все возникавшие на территории Советской национальные государственные образования. Добравшись до власти и не будучи в силах удержать ее в своих руках, эс-эры позорно капитулировали перед коммунистами. Преступная, предательская, антинациональная работа».¹⁵⁷ Генерального штаба генерал-лейтенант К.В. Сахаров весьма ярко охарактеризовал деятельность эсеров: «едва ли найдется кто-либо сомневающийся в том, что руководило с самого начала и руководит действиями социалистических партий и их работников. Им важна не Россия и не Русский народ, они рвались и рвутся только к власти, одни, – более чисто убежденные, фанатики, чтобы проводить в жизнь свои книжные теории, другие смотрят более практически, и им важна власть, чтобы быть наверху, иметь лучшее место на жизненном пиру».¹⁵⁸ К сожалению, параллели с современной партийной борьбой кажутся слишком отчетливыми.

Монография «Атаман А.И. Дутов» вышла в московском издательстве «Центрополиграф» в 2006 г. тиражом 3000 экземпляров. Ее можно приобрести через Интернет, а также во многих книжных магазинах по России.

Приобрести ее можно в том числе на сайте издательства: <http://www.centropoligraf.ru/>

Барон А.П. Будберг отмечал в своем «Дневнике»: «Каков бы ни был Колчак, но Омская обстановка выдвинула его к власти, к власти, ведущей смертный бой с большевизмом, и сто раз проклят тот, кто восстает на него и этим помогает большевикам...».¹⁵⁹ Однако эсеры и лидеры национальных окраин, в очередной раз поставили свои узко партийные и узко этнические интересы выше государственных, за что впоследствии и поплатились. Несмотря на победу на выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 г., эсеры уже в 1918 г. не получили практически никакой поддержки населения в своей борьбе как с правым, так и с левым лагерем, и в этом нет парадокса – деятели ПСР так и остались теоретиками, проводниками уже упоминавшихся книжных теорий, которым они подчиняли все остальное. Очевидно, что в условиях Гражданской войны при полном напряжении сил воюющих сторон никакого третьего пути, демократической альтернативы, просто не было – победа должна была достаться тому, кто смог в новых, «революционных» условиях оказать бесчеловечнее, любыми средствами заставить население драться на его стороне. Как показала практика, лучше других это получилось у большевиков. В этом трагизм как самой Гражданской войны, так и Белого движения.

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 08-01-00052а «Генеральный штаб в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

¹⁵⁴ *Исхаков С.М.* Предисловие // Из истории российской эмиграции: письма А.-З. Валидова и М. Чокаева (1924–1932 гг.). М., 1999. С. 11.

¹⁵⁵ Там же. С. 10–11.

¹⁵⁶ По данным, требующим документального подтверждения, Ф.Е. Махин являлся шифровальщиком Коминтерна при И.Б. Тито. Сведения сообщены автору профессором Белградского университета М. Йовановичем (Белград, Югославия).

¹⁵⁷ *Ферганский Вл.* Партия социалистов-революционеров (эс-эров) и ее роковая для Русского Народа роль за четырехлетний (1917–1921 гг.) период революции. Краткий очерк. Владивосток, 1921. С. 22.

¹⁵⁸ *Сахаров К.В.* Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. С. 37–38.

¹⁵⁹ *Будберг А.* Дневник // Архив русской революции. Т. XIII. Берлин, 1924. С. 268.

1. Адмирал Александр Васильевич Колчак
(1874–1920).

Источник: предоставлено автором (также илл.: 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9)

2. Ахметзаки Ахметшахович Валидов
(Ахмет Заки Валиди Тоған) (1890–1970)

3. Владимир Казимирович Вольский
(1877–1937)

4. Виктор Михайлович Чернов
(1873–1952)

5. Рудольф Медек (чешск. Rudolf Medek)
(1890–1940)

6. Ян Сыровы (чешск. Jan Syrový,
(1888–1970)

7. Николай Дмитриевич Авксентьев
(1878–1943)

8. Генерал (генерал-майор) Радола Гайда (чешск. Radola Gajda, настоящее имя Рудольф Гайдль, чешск. Rudolf Geidl) (1892–1948). Источник: Государственный архив Пермской области. Фото предоставлено М.Г.Ситниковым

9. Генералы Радола Гайда и Морис Жанен
(Жанен, Пьер-Тибо-Шарль-Морис, фр. Pierre-Thiébaud-Charles-Maurice Janin) (1862–1946)
встречают А.В.Колчака (г. Омск)

10. Торжественное построение войск в честь вручения знамен полкам 2-й чехословацкой дивизии. Екатеринбург, 10 ноября 1918 г. Источник: Из Чехии на край света. Жизнь чехословацких легионеров в России и Екатеринбурге в 1914–1920 гг. и ее отражение в чешском искусстве: Каталог выставки. Екатеринбург: Генеральное консульство Чешской Республики в Екатеринбурге, 2002. С. 9.